5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 42 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ МОСКВА. Редакция: Тверская, 28 • Телефон редакции 3-43-56 • Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927

пла-ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

7

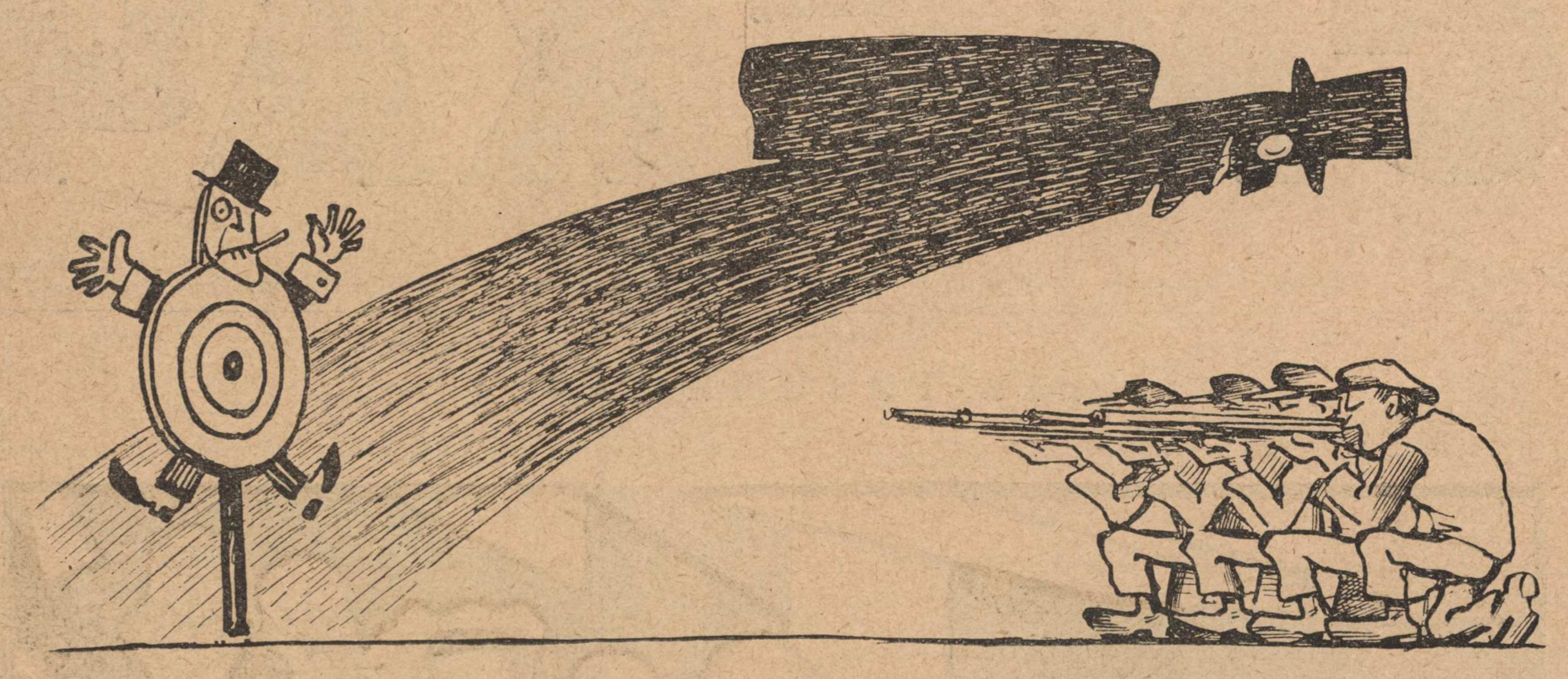
Рис. И. Малютина

ИНОСТРАНЕЦ:—Гм! Парламент, парламент и вдруг столько платков. В чем здесь дело?
— А раз столько платков,—стало-быть, дело в шляпе!..

ПЛОХОЕ УТЕШЕНИЕ

Рис. Н. Радлова

ТЕНЬ ЧЕМБЕРЛЕНА: — А все-таки я поставил русских на колени!..

О МАРКАХ

Лично я марок никогда не собирал и тихие радости этого кропотливого занятия для меня остались неузнанными; если уже пошло на откровенность, в соответствующем возрасте я предпочитал стрелять воробьев из рогатки и мазать кошкам хвосты клейстером. Но это зависит от вкуса и темперамента.

Помню, что многие мои сверстники увлекались этим делом самозабвенно и голодали систематически, экономя для очередных закупок получаемые на завтрак пятаки. Они десятками выписывали, единственно для того, чтобы вырезать заграничные марки с бандероли, бесплатные прейс-куранты медикаментов и велосипедов из всех стран света и даже, как мой друг и сосед по парте Костя Пузанков, строча лирические письма гимназисткам, сравнивали цвет их глаз с лазурью маврикийских знаков гербовой оплаты.

Самоотверженные фанатики, они страдали за идею и приносили в жертву делу и долгу свою возвышенную любовь; чуждые коллекционной страсти, легкомысленные гимназистки отвечали сухо, что ежели глаза их напоминают автору письма гербовые марки, то ему предоставляется в дальнейшем именно эти марки и целовать на известной ему скамье под липами, в городском саду. Гимназическое же начальство весьма поощряло это коллекционирование, как занятие нравственное, тихое и отвлекающее юные умы от вредного свободомыслия.

Как-то, попав по делам в один мирный провинциальный городок на Днепре и томясь вынужденным бездельем, в местной библиотеке я проштудировал посвященный филателии (т.-е. коллекционированию марок) некий обширный, изыскательный и аналитический труд. Отсюда я узнал, что это искусство имеет свои традиции, уставы, наречия, своих вождей, маньяков, своих художников, злодеев и меценатов. В Америке есть короли марок, коллекции которых занимают помещения настолько пространные, что в них без труда разместился бы, скажем, пехотный дивизион с обозом, кухнями и артиллерией. Они собрали мировые коллекции, и от их хищного взора не ускользает ни одна, самая паршивая копеечная марка, где бы ни была она издана: за океаном, на материке или в штатах. Есть поэты, воспевающие марки в изящнейших лирических стихах; даже о любимой девушке не говорят они так нежно и проникновенно, как об этих измазанных штемпельной краской бумажных клочках.

Есть художники, которые делают из марок картины: художник Веркмейстер сложил из 12.000 гербовых марок индийский пейзаж и из гербовых знаков слепил над ним ослепительное голубое небо. Есть и злодеи. Венецианский купец Марко Фонтано, например, создал и руководит целой армией людей, специально занятых подделкой марочных уникумов; однажды он продал фальшивые экземпляры Раймонду Пуанкаре и римскому папе, вследствие чего папа наложил на него церковное покаяние. Бог ему — судья!

Все это очень интересно, быть-может, но явно лишено марксистского подхода к вещам. В обращении же советских филателистов к сознательному населению нашей страны, которое (обращение) печатается нынче на синих обложках ученических тетрадей, вопрос впервые трактуется с классовой точки зрения.

„Во времена царского самодержавия филателия не пользовалась признанием со стороны правительства, вынуждена была прятаться от глаз и ушей чиновников самодержавия; она влачила жалкое, негласное существование на задворках биржи и отдельных кабинетов, являясь одновременно содержанкой мародеров, продававших акулам иностранного капитала вместе с почтовыми марками русского народа остатки своей чести и совести“...

Где ты, мой вихрастый друг и одноклассник, Костя Пузанков? Но нет, ты не Костя Пузанков, а содержанка мародеров, продававшая вместе с марками остатки своей чести акулам международного капитала!

Гнусный биржевик, презренный завсегдатай кабинетов, где творились эти темные дела,—под какой ехиднейшей личиной скрывал ты от нас свое отравленное существо?

Наивные и доверчивые люди, не подозревая о твоем хищном облике, сколько раз с открытою душою условным знаком мы вызывали тебя, бывало, с латыни перекинуться мячом на площадке, или встретить, купаясь, пароход на реке?

И ты шел, честно глядя своими голубыми глазами, и никто не подозревал, какая бездна предательства таится в твоем прямом взгляде коварного хищника-филателиста... Или, напротив, может-быть, преследуемый царизмом, травимый самодержавием, ты остался непонятым мучеником, незамеченным борцом и героем среди равнодушных курильщиков „Османа“ за штабелями дров в саду?

Тогда прости, Костя Пузанков; мы никогда не думали, глядя на тетради, куда с захватывающей смелостью ты вклеивал свои марки на глазах инспектора, что эти тетради есть скрываемая от глаз и ушей царских чиновников злая нелегальщина.

Так или иначе, синенькая тетрадка навсегда смутила мой покой: как понять тебя, Костя Пузанков, в свете последних классовых изысканий советских филателистов? Кем ты был? Акулой ли международного капитала или мучеником царского режима?

А. Зорич

КОРМИЛИЦА

Сотрудники белогвар-ейской газеты „Свят, свят“ жили прескверно.

Питались кое-как, тем, что оставалось случайно на столиках посетителей кафе, в одном из углов которого от часу до трех ютилась редакция.

Хотя газета „Свят, свят“ и существовала на какие-то деньги,— однако, деньги эти в карманы сотрудников не попадали.

Только один Пешеходов еженедельно получал из рук редактора пачку хрустящих банкнотов.

Специальностью Пешеходова было писание корреспонденций, писем „из России“ и статей на тему „Долго ли“.

Первые выходили у него потрясающе! Зверства и ужасы, ужасы и зверства перемешивались с таинственными, малопонятными, но тем более убедительными комбинациями букв: ТДПГУ ЧККЛ, МНОПРС и т. д.

Вторые со всей силой логики убеждали читателя в том, что недолго, что вот-вот, что пора настала, что большевикам конец!

Особенно те, которые писал Пешеходов к годовщинам октябрьского переворота. Хороши они были, эти юбилейные статьи!

И когда в одном из октябрьских номеров „Свят, свят“ Пешеходов поместил свою десятую статью о „Юбилее уходящих“, редактор отсчитал ему в руку сумму большую, чем обычно, и, взяв его под руку, сказал:

— Идемте!

— Куда?

— Идемте!

Уже по одному тому, что направились они на одну из лучших улиц Парижа, почувствовал Пешеходов, что предстоит нечто необычайное. А когда на этой улице вошли они в под'езд одного из лучших ресторанов, у Пешеходова сердце забилось.

Лакей провел их к двери отдельного кабинета и, распахнув эти двери, открыл перед Пешеходовым умопомрачительную картину.

Стол сервированный с царственной роскошью!

А за столом...

Генералы и женщины, женщины и генералы!

При этом генералы в полных формах с эполетами и орд нами!

— Вот,—сказал редактор, держа Пешеходова под руку,—вот он— наш постоянный, незаменимый и талантливый!

У Пешеходова кружилась голова и двоилось в глазах.

* * *

Ночью в своей комнате, на четвертом этаже одного из доходных домов Парижа, Пешеходов стоял на коленях перед образом, плакал пьяными слезами и молился.

А молился он так:

— И пошли, господи, ей, моей кормилице, многая лета! И пусть будет ей и двадцать, и двадцать пять, и пятьдесят лет! Спаси, господи, советскую власть и сохрани ее на многая лета, кормилица моя!

А. Иркутов

„РАЦИОНАЛЬНАЯ РАБОТА“

К постановке клуб готовится долго, а после постановки декорации ломаются и все куда-то пропадает...

„Р. Газ.“

На сцене Пивзавода,
Не пощадя затрат,
Готовили полгода
Комедию „Мандат“.

Костюмов уйма сшито!..
Расходов через край!..
И горы реквизита
Набили весь сарай!..

„Главреж“ носился птицей
По сцене взад-назад...
Сто сорок репетиций!
Ну, прямо — точно МХАТ!..

А вот и день премьеры...
Успех... Триумф... Ура!..
Восторги свыше меры
И толки до утра!..

На завтра тоже ставят,
Но сбор уже плохой...
И после завтра сплавят
Всю пьесу „на покой“:

Коллекция макетов
Летит к мышам в амбар,
А рамками портретов
Разводят самовар...

Вы ждете здесь конца, ведь?
Нет, пыл их не погас:
Теперь схватились ставить
Комедию „Матрас“!

Опять столпотворенье...
Расходов через край..
Опять стихотворенье
Сначала, друг, читай!..

Аргус

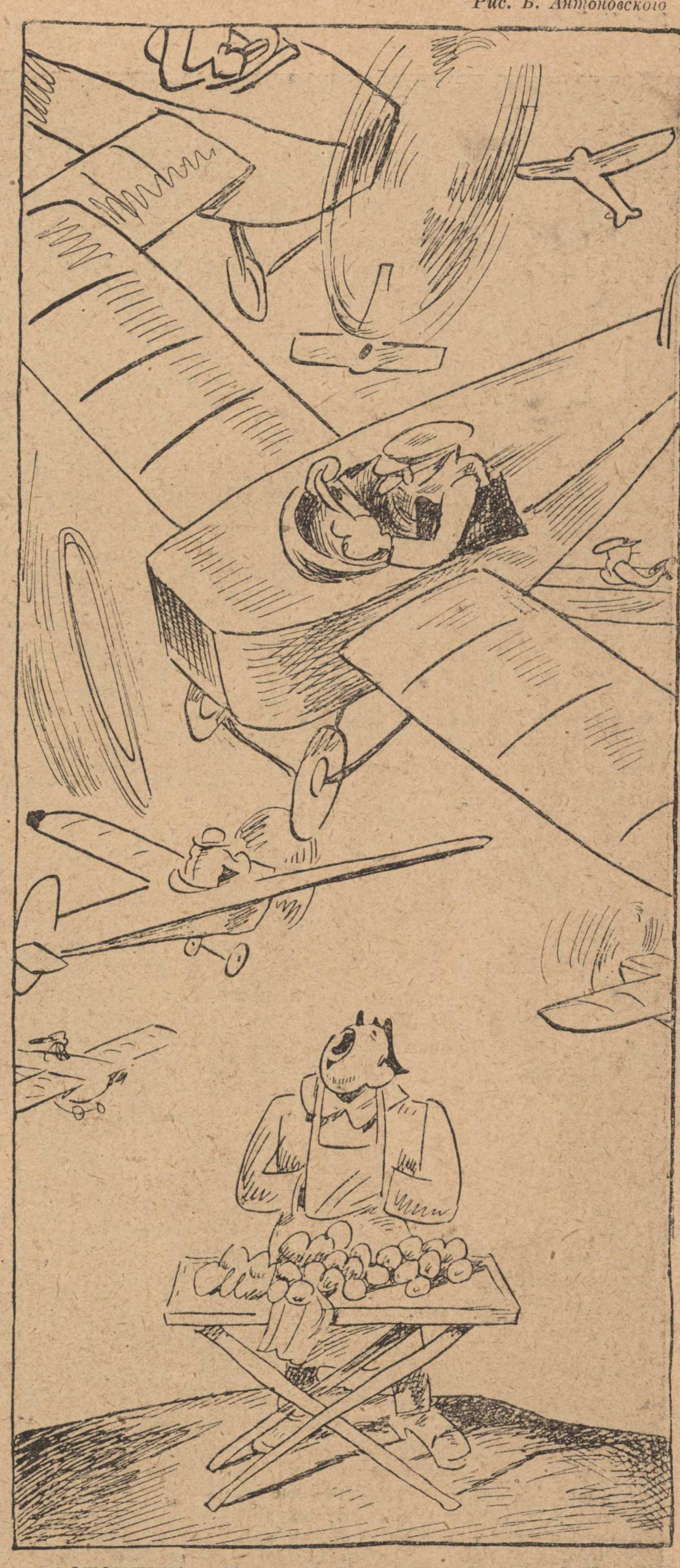
РАЗГОВОР В ИСПРАВДОМЕ

— Да, помню, у вас в домах был, прямо, полет орла..

— А теперь вот каково терпеть „вынужденную посадку“.

В БЛИЗКОМ БУДУЩЕМ

Рис. Б. Антоновского

ЛОТОШНИК: — Налетай! По пятачку штука! Налетай! Хватай!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Следующий № 43 „Смехача“—ЮБИЛЕЙНЫЙ (Октябрьский)—выйдет в увеличенном об'еме.

У ЗНАКОМЫХ МАШИН

Вторая „юбилейная“ сессия ЦИК'а состоялась в Ленинграде

Рис. М. Черемных

— А ведь ты, Калиныч, аккурат работал на Ленинградском заводе?

— А то как же! Здесь, милый, на Ленинградских заводах мы и повернули колесо истории!

РАССКАЗ С МОРАЛЬЮ

О, Баядерка, ти-ри-ри, ти-ри-ра... О, Баядерка, ту-ру-рум, ту-ру-ра...

Напевая таким образом и думая о мягких ручках маникюрщицы м-ль Полины, полуответственный работник т. Племяш вошел в сияющую парикмахерскую „Гигиена собственного труда“.

— Давненько не изволили быть,— сказал швейцар, ласково снимая с гостя пальто,— мастер соскучился.

И шепнул:

— Без очереди, пожалте.

Тов. Племяш опустился в кресло, с удовлетворением посмотрел в зеркало и дружелюбно подмигнул своему отражению.

— Боже! За что я так мучительно красив?— подумал тов. Племяш,— красив и счастлив?

Поистине, день нашему герою выпал отличный. Вечер сулил уйму радостей. Пятнадцатое число чудеснейшим образом совпало с субботой. Сердце героя блаженно постукивало о красивый сафьяновый бумажник, в котором лежала двухнедельная получка—68 р. 50 к.

— Побрить? Постричь? — спросил парикмахер.

— И побрить, и постричь,— гордо ответил тов. Племяш,— как равно побрить шею, помыть голову, побрызгать хинной, помазать голову бриолином и соорудить компоесец потуже. И потом вот что, дорогой мой... — тов. Племяш сделал паузу,— попросите маникюршу. Я желаю сделать ма-ни-кюр...

И в это же мгновение тов. Племяш увидел в зеркале усы своего непосредственного начальника тов. Сортиментова, который в ожидании своей очереди нетерпеливо ерзал ногами, закрывшись замусоленным номером „Красной Нивы“ за 1923 год.

Тов. Племяш сперва мертвенно побледнел, потом багрово покраснел, после чего с добросовестностью циркового прожектора, освещающего лошадиную пантомиму, принялся напускать на свою физиономию все имеющиеся в распоряжении шалуньи-природы цвета.

В воспаленном мозгу нашего героя, как блохи, запрыгали отвратительные мысли: парикмахерская процедура продлится не менее часа, начальнику придется ждать, узнает,— сократит.. Иди потом — судись.. Боже... Боже...

Теплый мыльный крем ласково лез на подбородок и щеки тов. Племяш... Потной, вздрагивающей руки его нежно коснулась очаровательная ручка маникюрщицы м-ль Полины...

Парикмахер занес над беднягой бритву.

— Подождите, — воскликнул Племяш козлиным голосом,— стойте, снимите мыло..

И, не дожидаясь, вытер простыней мыльную пену с румяных щек, вырвал из ручек м-ль Полины свою руку и порывисто вскочил с кресла. Героизм был свойственен натуре тов. Племяш.

— Пожалуйста, товарищ начальник,— сказал он, ликуя,—будучи отягчены-с служебной ответственностью, как равно, хи-с, хи-с, старше меня по возрасту, соблаговолите занять мою очере...

Из-за журнала появилась недоумевающая усатая физиономия учрежденского курьера Гаврилы. Гаврила нерешительно откашлялся, буркнул нечто невразумительное и боком направился к креслу.

Небритый, с позорными следами мыла на подбородке, тов. Племяш вышел на улицу.

Природа плевалась маленьким противным дождишкой. Автобус окатил нашего героя грязью, энергичный продавец вечерней газеты наступил ему на ногу...

Мораль.—Так тебе и надо, сукин сын! Не будь подхалимом! Не будь подхалимом! Не будь подхалимом!

Евг. П—в.

ОН И ОНА

(А чем не лирика?)

Он не знал покоя сутки,—
(Всех влюбленных тоже роль!)
Чуя в сердце и в желудке
Скуку, гнет, тоску и боль.

— С нею жил бы я беспечно,
Боль не жгла бы, как оса!

* * *

„Он“ был вузовец, конечно,
А „она“ кто?.. Колбаса!

Конст. Шелонский

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТЕНА

Мне пришлось нынче побывать по делам службы в одном маленьком украинском городке. Гостиництам не было, и поэтому я воспользовался гостеприимством частного гражданина, старика библейского типа. За огромным самоваром я разговорился со стариком.

— Расскажите, уважаемый хозяин, про минувшие дни. Много ли властей здесь перебывало? Остались ли какие-нибудь памятники после всех этих властей?

— Что значит памятники? — сказал старик. — То, что разрушено, то не остается, а музеев у нас нет. Впрочем, извиняюсь, вы видите эти обои?

— Вижу, — удивился я. — Обыкновенные порыжевшие от старости обои.

— Ой, они не обыкновенные. Эти обои — залог спокойной жизни. Они уже пять лет здесь. И вся эта стена — историческая стена.

Я попросил хозяина расшифровать ребус, и вот что мне рассказал старик:

— Смотрите, я беру ножичек и сцарапываю кусочек обоев. Вы замечаете, что под обоями? Это — упраздненные дензнаки наклеены здесь. Когда появился крепкий червонец, у меня на руках осталось много бумажек такого бесценного сорта. Куда их было деть? И мы клеили ими стены. Они — воспоминание о заградиловке, о „неделях излишков" и о „трудовых повинностях". А вот я их поцарапаю. И вы видите другой сорт обоев. „Единая неделимая"... Это осталось после того, как красные прогнали белых. Сотни листов никому уже ненужных деникинских денег пошли на оклейку, как вечное напоминание о тихих и громких ужасах, о бессонных ночах. Но когда-то эти деникинские деньги были у нас валютой. И тогда (я еще поцарапаю) обоями нам служили вот эти самые бумажки с надписью „Державна Скарбница". Их печатал покойный батько, чтоб ему на том свете было так хорошо, как нам при нем было хорошо на этом. Но когда-то и за эти бумажки можно было спасти свою жизнь. Это было в дни, когда немцы ушли к себе на родину, оставив нам разбитое корыто и пуды „окупационных грошей", вот я их сейчас отцарапаю. А под этими пестрыми грошами наклеены желтые этикетки, подарок господина Керенского, столько болячек ему в бок, сколько керенок он оставил в стране после своего бегства, сколько горя он принес через этих окупантов, которые хозяйничали здесь, как у себя дома.

Вот, гражданин, весь музей нашей жизни за десять лет. Вот она — „стена плача".

М. Коварский

СБОРНАЯ КОМАНДА

Рис. Б. Антоновского

Грубая игра в футбол приводит к судебным процессам.

1) Нападение. 2) Полузащита 3) Защита. 4) Вратарь. 5) Защита. 6) Полузащита. 7) Нападение. 8) За столом — судьи.

В ЧАСЫ ОТДЫХА

В часы отдыха можно развлекаться. Можно, например, ребусы решать или загадки загадывать. Загадки, сами знаете, бывают и легкие и трудные. А бывают и такие загадки, которых, ну никто не разрешит.

Вот к примеру загадка, которую кому хотите предлагайте и все равно ее решат неверно.

— „Что это такое: без окон, без дверей, полна горница детей".

— Школа! — закричит собеседник, — ну, и задаченка! Тьфу, а не задаченка!

— Школа? — переспросите после этого. — Школа?

И прибавьте эдак трагически:

— Почему же именно школа?

Конечно, собеседнику придется отвечать. Придется ему об'яснять, что, дескать, ежели какой-нибудь уездный отдел народного образования не на высоте, если какой-нибудь исполком не на высоте, так вот школа и будет без окон и дверей.

Если ваш собеседник дрянь человечишка, плюньте на него и конец, а если он такое же сокровище, как вы, в чем я никак не сомневаюсь, — потреплите его в этом случае по плечу и скажите ему попроникновеннее:

— Друг ты мой ситцевый, не пеняй ты на зеркало, коли рожа крива. А если школа без окон и без дверей, так твоей вины в этом больше всего.

Об'яснять это умному человеку не надо. Поймет! А если, поняв, спросит, что же в таком случае значит загаданная загадка, откройте секрет:

— Это — самый обыкновенный огурец.

Е. Д.

ГДЕ АПЕЛЬСИНЫ ЗРЕЮТ...

Рис. М. Черемных

В Италии смещены за неблагонадежность 700 учителей средне-учебных заведений.

МУССОЛИНИ: — Вы уволены потому, что, преподавая географию, внедряли вредные идеи, будто-бы кроме Италии существуют и другие государства.

ДОЛОЙ МЕЩАНСКИЙ УЮТ!

Рис. Ю. Ганфа

— Посмотрите, как живет сосед. Ни намека на мещанский уют. Канарейки у него нет, примуса нет, занавесочек тюлевых нет... Ничего нет... Да и сам он безработный.

ГОЛЫЙ ФАКТ

Жизнь, между нами говоря, вещь очень глупая. И шутки у нее глупые, и порою обидные. Порою жизнь очень хулиганит.

Когда я вижу идущего по улице голого человека, который по рассеянности забыл только скинуть трусики, я вспоминаю ту глупейшую шутку, которую дура-жизнь сыграла с Безиковым. Голый факт.

Вообще. Безиков был человек довольно-таки безличный, хотя и носил бороду и круглые очки.

Что еще о нем такого яркого сказать?

Ну, звали его Иван Петрович. Ну, служил он, конечно, в тресте и имел кое-какие доходишки от подрядчиков. Ну, жена, конечно, уехала у него в Ялту...

И жил он летом один в целой квартире. И очень скучал.

Ходит по комнатам и сам с собой разговаривает,— больше не с кем.

— Тра-ла-ла-ла — разговаривает он.— Три-та-ти-та-там... Хоть бы кто по телефону позвонил.

Но телефон не звонит. Молчит, точно в рот воды набрал.

Ну, что же—„если телефон не идет к Магомету, так Магомет идет к телефону". Покоряясь этому древнему обычаю, Безиков плетется к телефону и кричит в трубку:

— 321-42.— первое, что ему приходит в голову — Да, да: 321-42. Пожалуйста.

— Алло,— отвечает женский голосок.

— Простите,— расшаркивается перед аппаратом Иван Петрович.— Миль пардон. Это какой номер?.. У меня часы стали...

Он пытается завязать беседу. Ему мучительно, до сосанья под ложечкой, хочется рассказать о своем летнем одиночестве, о ялтинской жене, о подрядчике Бурко, который обманул его и вместо 3000 дал 500 рублей.

Но голосок обрывает его.

— Что такое? В чем дело? Кто это?

— Это—я— мягко говорит Безиков,—одинокая душа, заблудившаяся в лабиринте города... у меня тоска. Один негодяй обманул меня...

— Оставьте меня в покое с вашей паршивой душой! — злобно выкрикивает женский голосок. Трубка вешается.

— Чорт дери. Не с кем поговорить, некому пожаловаться...

Вечером ему вдруг приходит в голову блестящая мысль,— пойти в баню.

— Идея! В бане можно разговаривать с незнакомыми...

Он не идет в баню, а несется на крыльях. Как прекрасно здесь. Вокруг целых девять человек. И все голые, такие простые, доступные, славные.

— Я понимаю теперь,— соображает Безиков,— почему, говорят, в раю так хорошо:—там никто не знает стесняющей душу и тело одежды. Все на распашку, и душа и все прочее...

Он долго выбирает жертву.

Сухой старичек, гладко выбритый, с поджатыми губами и с ватой в левом ухе внушает ему доверие.

— Не иначе, как бывший статский советник! И мозоль на мизинце генеральская,— замирает от радости Безиков,— и ухо на вате...

Он подсаживается к старичку и начинает издалека.

— Банька-ка того,— не первый сорт.. советская... хе-хе-хе.

У старичка мыло попало в глаз. Он плещет пригоршнями холодную воду на пострадавший глаз и ежится. Промыв глаз, он отвечает раздраженно:

— Дрянь баня! Вообще, бань не признаю! То ли дело ванная!

— Еще бы — радуется Безиков.— А сейчас без ванны изволите жить?

— Без! Дрянная квартиренка! Сарай. Я полжизни за границей прожил, там все ванны, удобство.

— Еще бы. А теперь что у нас? Вы только подумайте: приходит ко мне в трест подрядчик. Так и так, товарищ Безиков, имеется у меня глина. А у него, знаете, не глина, а смотреть тошнит, рвет...

— Лечитесь глиной?— спрашивает старичек, намыливая голову.

— Нет, для производства. И что бы вы думали: предлагают, как водится, три процента... Я стыжу. Сходимся. И, представьте, есть же такие мерзавцы...

Безиков увлекается и рассказывает все — про жену и про свое одиночество и про сволочь— подрядчика Бурко...

Старичек слушает, качает головой и в глязах у него тоска,— от мыла, что ли...

— А что узнают,—не боитесь?— спрашивает он вдруг тихо, косясь на спину голого соседа.— А? Вдруг дойдет слух до судебных властей.

Безиков злится. На душе у него — рай, в глазах — томность от банной температуры. Улыбаясь блаженно, он говорит:

— Судьба! Я осторожен, хотя эти проценты, традиция. Что поделаешь... Надо жене в Ялту? Надо! Надо портному платить? Надо! Надо иногда кутнуть? Надо... ну, а волков бояться — в лес не ходить, известно. А в общем жизнь копейка, судьба индейка... Хе-хе-хе... жизнь-шутка...

Старичек обкатился из шайки и смотрит весело.

— Да-с, гражданин Безиков,— говорит он, собирась уходить,-жизнь-то порою шутит ох какие шуточки. Скрываетесь, скрываетесь, а потом взяли да следователю все и рассказали. Я-то ведь следователь. Хе-хе-хе...

— Хе-хе-хе,— отвечает Безиков, холодея, не смотря на температуру.— хе-хе... гм...

Старичек выходит.

И на другой день Безиков получает повестку от нарследователя...

Э. Гард

ИСПОРЧЕННЫЙ ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ

Рис. Н. Радлов

— И верно, что наша деревня глухая. Ни одного слова не слышно...

ПУШКИН ПО ВОЛИСПОЛКОМСКИ

ЗИМА

(К проекту автомобилизации деревни)

Зима. Крестьянин в зимнем раже
 На „форде" разрыхляет снег.
Машина, отдохнув в гараже,
Несется, словно на пробег!
Поднявшись утром, раньше света,
На „Бенце" мчит предсельсовета,
Курьер Вавилыч у руля
Выписывает кренделя.
Вот мальчик бегает соседский,
Гудя сиреной в сорок сил:—
Себя в „Рено" преобразил!
Он задавил в забаве детской
Двух куриц... Мальчику смешно,
А мать грозит ему в окно.

Галиций

РОМАНТИЧЕСКИЕ СКАКУНЫ ГРАЖДАНИНА НИАГАРОВА

Алла верды! — закричал роскошный и шумный Ниагаров, с грохотом врываясь в мой номер. — Селям алейкюм!..

Я лежал на кровати, меланхолически ловя за задние ноги больших и угрюмых владикавказских клопов.

На Ниагарове была новенькая черкеска с патронами на груди, большой серебряный кинжал, пара добрых кремневых пистолетов с насечками, карабин в косматом чехле и бутылка термос.

— Что с тобой случилось, Ниагаров? — вяло заинтересовался я.— Можно подумать, что тебя сократили с места службы и, лишившись своего честного 15-го разряда, в припадке вполне понятного острого отчаяния, ты решил открыть небольшой кавказский ресторанчик с подачей напереули и шашлыка на вертеле?

— Ишак и баран! — сердито сказал Ниагаров.—В тебе нет никакой романтики... По Военно-Грузинской дороге ездил?

— Не ездил,— сознался я.

— Безумец! Он!! Не ездил!!! По!! Военно!!! Грузинской!!!? Дороге?!?!! В таком случае немедленно одевайся и едем. В седле держаться умеешь? Не умеешь? Тем лучше. Я тебя быстро научу. Главное держись все время на шенколях, хорошенько подтяни подпругу. Если будешь падать в Дарьяльское ущелье, не хватай коня за уши — карабахские жеребцы этого терпеть не могут.

— Я не хочу ехать по Военно-Грузинской дороге, — бледно запротестовал я.

— Ни-ни! — твердо сказал Ниагаров.— Никаких возражений! Иначе ты меня кровно оскорбишь и я буду вынужден тебя немножко зарезать вот этим найшаурским клинком, доставшимся мне по наследству от самого Шамиля. Ну? По рукам? Едем?

— По рукам,— вздохнул я.— Едем.

— Вот и прекрасно!—воскликнул Ниагаров. — Сейчас я закажу у швейцара карабахских скакунов и не пройдет какого-нибудь часа, как мы уже будем мчаться на головокружительной высоте, обгоняя встречных орлов и пугая горных газелей.

Я с дрожью вздохнул...

* * *

— Алла верды, — сказал Ниагаров швейцару,— селям алейкюм... Слушай, кацо. Тыфлыс знаешь? Военно-Грузинская дорога знаешь? Так вот я и мой кунак ми желаем проехать по Военно-Грузинской дороге на Тыфлыс...

— Понимаю, — сказал швейцар.

— Два карабахских скакуна имеешь?

— Чего-с?

— Скакунов, говорю, карабахских имеешь? — внушительно отчеканил Ниагаров.— Потому я и мой кацо, который кунак, мы оба-два желаим на Тыфлыс верхом ехать.

— Помилте-с... Верховых-с лошадок-с не держим-с! А которые граждане интересуются по Военно-Грузинской дороге проехать, обнаковенно на автобусах ездяют. Прикажете два билетика-с?

— Эх вы! Мещане! — бодро сказал Ниагаров, — никакой в вас романтики нету! Ну да уж все равно. Раз нет карабахских скакунов,—валяй два билета на автобус. Только чтоб задние места были.

* * *

— Ну, дружище, теперь держись! Смотри и удивляйся! — сказал Ниагаров, когда стосильный, новенький, открытый автобус марки „Фиат", наполненный экскурсантами, по удобному шоссе в'ехал в небольшие горы.— Сейчас ты увидишь Кавказ во всей его величественной красе, полной пленительной романтики и дикой прелести. Сейчас ты увидишь потрясающее Дарьяльское ущелье, где дикий Терек с воем и грохотом, играя, несет по своему кипящему руслу валуны и обломки скал... Ты увидишь сейчас развалины замка на вершине недоступной скалы, где по преданиям жила легендарная царица Тамара... Ты увидишь бешеные водопады, ты прочтешь на угрюмых скалах, повисших над пропастью, неизвестно кем выбитые цитаты из знаменитой поэмы легендарного грузинского поэта Тота Руставелли. Ты увидишь бродячего певца, пробирающегося по легендарной, неприступной горной тропе, который сжимает в смуглых руках потрясающую зурну с тем, чтобы в непосредственной близости к дикому небу воспеть дикую красоту знаменитых девушек Кайшаурской долины... Ты увидишь дикого орла, который, с недоступной поднявшись вершины, парит неподвижно со мной наравне... Ты, наконец, будешь свидетелем дикого нападения легендарных чеченцев, которые с высоты неприступных скал ринутся вниз на наш потрясающий караван, кото...

Многие из экскурсантов рыдали.

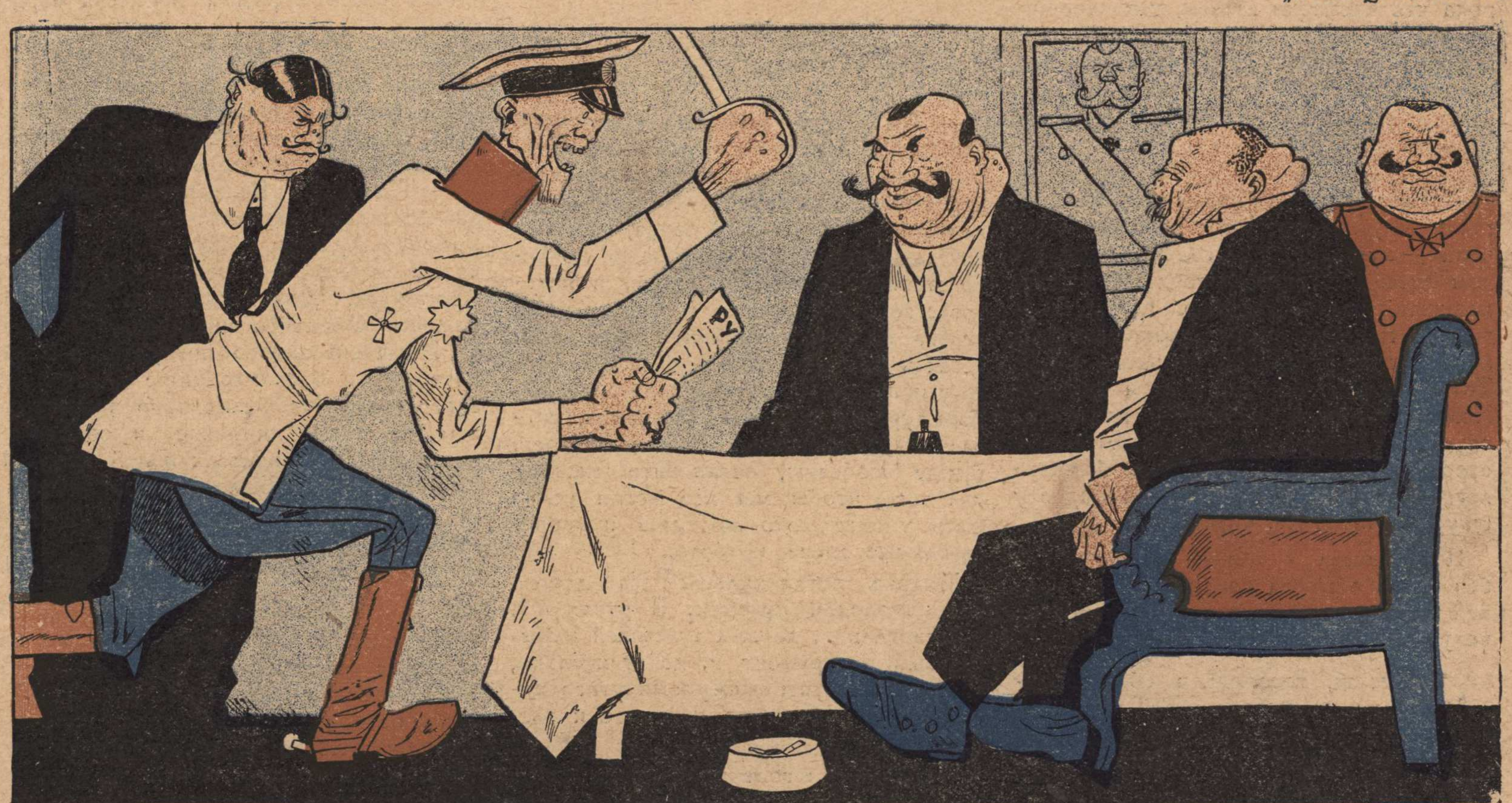
* * *

— Товарищи,—торжественно провозгласил Ниагаров. — Внимание. Сейчас

МАЛЬБРУК И... ОДЕССКИЕ МАНЕВРЫ

Рис. Ю. Ганфа

На маневрах защищающие Одессу „синие", получив подкрепление Кавбригады, выиграли бой, оттеснив „красных" к северу. *„Изв. ВЦИК" № 200.*

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:—Скорей на соединение с „синими", и я вам ручаюсь, что 10-й Октябрь мы отпразднуем в Москве.

ДОГАДАЛСЯ

Рис. Н. Р.

ЗАВ: — Хорошо бы, чтобы этак через месяц на заводе не осталось ни одного неграмотного.

СЕКРЕТАРЬ: — Прикажете заготовить списки к сокращению?!

мы в'езжаем в упомянутое мною Дарьяльское ущелье. Как видите — слева легендарный непроходимый Терек, а справа, на неприступной скале, знаменитый замок потрясающей царицы Тамары. Прошу снять головные уборы!

Я с жадностью прижал к глазам бинокль и навел его на стены знаменитого и неприступного замка Тамары.

— Ну, дружище, что ты на это скажешь, жалкий филистер и пошлый отрицатель романтики?

— Потрясающее зрелище,—сознался я, содрагаясь и ликуя.

Но в то время машина остановилась, и шофер, закачав штаны, деловито перешел Терек, направляясь к замку Тамары.

— Эй! Кацо! — закричал Ниагаров, бледнея.—Алла верды! Остановись, безумец! Что ты хочешь делать?

— Папирос купить, — флегматично ответил шофер, сплевывая через легендарный Терек,—тут в замке Тамары единственный приличный кооператив, а во всех остальных замках Тамары пока что частники засели, так что, пожалуй, до самой Кайшаурской долины доброкачественной продукции нигде и не достанешь...

* * *

— Ну-с,—деловито заметил Ниагаров после напряженного получасового молчания,—ну-с, дружище... Сейчас мы будем проезжать мимо легендарных скал, повисших над пропастью, где выбиты знаменитые цитаты из непревзойденного творения феноменального поэта Тота Руставелли. Ба! Вот и цитаты! Хватай бинокль и читай, пользуйся случаем. Не правда ли, незабываемые строфы. Это как раз из первой части легендарной поэмы „Носящий Барсову шкуру". Читай же, читай!..

Я приложил к глазам бинокль, не без труда отыскал среди грязных камней легендарную цитату и прочел ее вслух:

„Спеши, товарищ, в сберкассу—
Получишь удовольствий массу!"

Немного повыше было написано красной краской:

„Все подписывайтесь на заем индустриализации".

* * *

Два часа ехали молча. Вдруг Ниагаров очнулся.

— Н... ну-те-с...—с деланной бодростью воскликнул он.—Ну-те-с... Теперь, мой скептический друг, держись. Из-за этого страшного поворота на беззащитных путешественников всегда нападают легендарные разбойники чеченцы-джигиты, которые...

И, действительно, из-за поворота вдруг выскочило несколько туземцев. С громкими криками они бросились к машине.

— Граждане! Приготовьте оружие! — фальцетом закричал Ниагаров, дико вращая торжествующими глазами и пытаясь извлечь из ножен кинжал. — Предлагаю биться до последней капли крови. Алла верды!..

— Чего кричишь,—сухо заметил шофер, замедляя машину.—Режут тебя, что ли? Не видишь—люди газетку московскую просят. Матчем между Капабланкой и Алехиным очень интересуются. Спрячь ножик...

* * *

— Товарищи!—через два с половиной часа встрепенулся Ниагаров,—смотрите и умиляйтесь! Видите в отдалении черную точку? Это не что иное, как фигура легендарного бродячего певца, местного трубадура, который, пробираясь по неприступной торной тропинке, в непосредственной близости к дикому небу, играет на своей старинной зурне, воспевая в мелодичных стихах дикую красоту популярных красавиц легендарной Кайшаурской долины... Внимание, сейчас мы поравняемся с ним. Шофер, будьте любезны, остановите машину для того, чтобы мы все могли услышать упоительную мелодию и непревзойдимые слова, которы...

Машина остановилась. На дороге стоял молодой туземец. В руках он, действительно, держал туземный музыкальный инструмент и, действительно, перебирая струны вышеупомянутого инструмента, пел нечто туземное и элегическое...

— Ага! Что я говорил!—с торжеством воскликнул Ниагаров.—А ты еще, скептик несчастный, не верил в существование высокой романтики.

В эту минуту молодой туземец с силой ударил по струнам инструмента и запел резвым голосом:

Это очень некрасиво —
Нет у нас кооператива.
Кооператива нет —
Куда смотрит сельсовет?

Разве это—не позор,
Что доселе среди гор
Частный прячется хозяйчик,
Бедняков грызет, как зайчик.

— Местный сельkор, — пояснил шофер.

— Псевдоним „Красный шакал",— любезно добавил молодой туземец, с новой силой ударяя по струнам.

* * *

— Товарищи! Граждане! Внимание!— хрипло крикнул Ниагаров,—смотрите— орел летит! Я же вам говорил, а вы не верили! Смотрите, смотрите! Живой настоящий орел, с отдаленной поднявшись вершины, парит неподвижно со мной нарав...

Над шоссе с шумом пронесся аэроплан.

* * *

Через два часа Ниагаров очнулся от обморока и, поднявшись со дна автобуса, обвел окрестности мутными глазами. Вдруг лицо его оживилось.

— Товарищи! Внимание! — пискнул он. — Шедевр романтической красоты' Слияние Арагвы с Курою. Средневековый легендарный монастырь. Мцыри. Лермонтов... Дикая красота... Мрачный пейзаж... Обратите внимание...

Из-за внезапного поворота, в темноте, вдруг блеснуло море электрического света. Необыкновенно полновесные, плавные, широкие и солидные воды шумели в шлюзах новой, мощной электростанции. Было светло, как днем. И над плотиной возвышалась фигура Ленина.

— ЗАГЭС,—коротко сказал шофер.

* * *

По приезде в Тифлис я выгрузил из автобуса безжизненное тело Ниагарова и на извозчике отвез его в местное отделение исторического музея, где он в состоянии полного оцепенения находится, вероятно, и по сейчас, являясь редким экземпляром вымирающей породы русских романтиков.

Валентин Катаев

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Разбирая произведения Сельвинского, П. Коган пишет в „Вечерней Москве“ (№ 194):

Движение казаков, в особенности, погоня ЧОН'а (часть особого назначения) за улялаевцами написаны стихами, о которых трудно сказать, чем завораживают они больше,—яркостью образов, музыкой слов или отдающимся в них топотом лошадей.

Хорошее отношение к лошадям — вещь похвальная, но можно ли в критической статье предпочитать музыке слов — топот лошадей!

Мы — за хорошее отношение к поэтам!

*

Сенсация!

В Ленинграде работает специальная комиссия по устранению... уличного движения!

Не верите?

Вот — полюбуйтесь:

Обследовательская комиссия секции внутреннего управления наметила ряд мер к устранению уличного движения.

Это напечатано в одном из последних номеров „Вечерней Красной Газеты“.

А не мешало бы наметить ряд мер к устранению неграмотности репортеров:

Ликбезреп!

*

В лирически-философском стихотворении, помещенном в 9-ой книжке журнала „Октябрь“, поэт М. Светлов чистосердечно признается:

Если тихо плачет скрипка,
Я, как все, в платок сморкаюсь...

В платок надо сморкаться не только тогда, когда тихо плачет скрипка, а во всех случаях жизни.

Еще известный философ XVI века Владимир Хенкин сказал:

— Не сморкайтесь в занавеску: это — не салфетка.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ.

Милостивый государь!

Чувствуя, что у нефтянников и банкиров и пр. детердингов шантажирование СССР не пройдет, некий „бельгиец“ Иван Петрович прислал Государственному банку следующее письмо:

Екатеринославскому отделению
Государственного банка.
Милостивый государь!

Настоящим убедительно прошу уплатить следуемые мне доходы по моему вкладу 5% обязательства царского государственного казначейства. Если бы не нужны были деньги эти, я бы не настаивал.

Иван Петрович Дор.

Бельгия. Улица...

Бог подаст!

На автомобилях или... на оленях!

Некий Барсуков, управляющий уральским торговым представительством, в докладной записке, представленной соответствующим сферам, утверждает, что надо разводить... оленей:

Если наше оленеводство развивалось бы в культурных условиях, то у нас могло бы быть теперь до 70.000.000 оленей в стране. Необходимо индустриализировать (?) оленеводство.

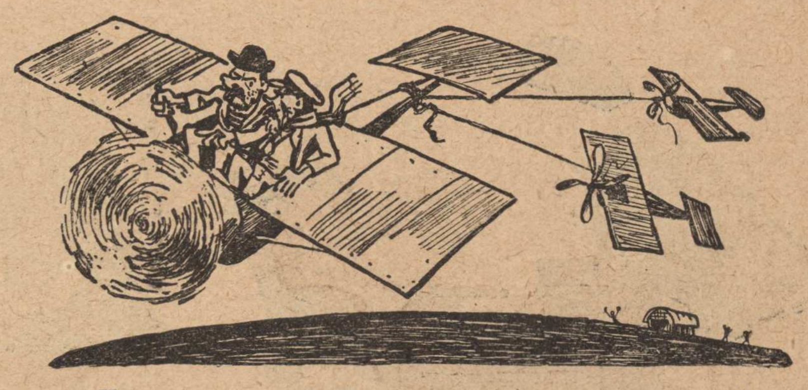
Вот мы и посоветовали бы тов. Барсукову вместо того, чтобы бобы разводить разводил бы он лучше оленей.

Познакомившись с докладом Барсукова, мы тоже разводим, но... только руками.

АЭРО-ВОРЫ.

В Кливенде (штат Огайо, Америка) из ангара украдены три аэроплана.

Рис. Н. Радлова

— Ну, куда, мы теперь с этими штуками денемся?
— Как куда? Крой на толкучку.

Явились ли агенты?

Копия документа, присланного бакинской бирже труда.

В секцию совторгслужащих.
Требуются агенты для распространения билетов на процентах. Желательно интересных женщин.

Организаторы: Мелентьев, Данилян.

Явились ли интересные агенты к этим организаторам? Мы, конечно, имеем в виду агентов губрозыска.

„Человека запечатали“

Это было в Костроме.

Рабочий З. пишет:

Ко мне на Бульварную улицу, дом 7 кв. 3 приходит завдом УТКИН с представителем ГОРКОМХОЗА, на запечатывание комнаты, ввиду излишней жилплощади. Лишней площади лично у меня нет, однако Завдом УТКИН, отступя от моей койки на полтора метра, вколачивает в пол бруски, а от них проводит вверх перегородку из фанеры, протягивает от потолка веревку, опутывает ею оставшееся пространство, завязывает ее поперек моей двери и они кладут печать. Я остаюсь в комнате запечатанным.

Если рабочий З. запечатан до сих пор, то следует управдома пропечатать и припечатать, для каковой цели воспользоваться управдомской веревочкой. Быть бычку на веревочке.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Бологое, Федору Стрекозе.
„Я хочу предложить в Смехач разный материал“...
Какой именно материал? Если на брючную пару,—то не беспокойтесь: уже запаслись!

Греку. — Лейкину — Онколю.
Не пойдет!

Вера Л-кина. Сергиевск
„У меня много разных стихов для печати. Плата не высокая. Вышлите Ваши условия“.

НАШИ УСЛОВИЯ: Подписная плата на журнал „Смехач“ на 1 г.—6 р. на 6 мес.—3 р. 20 к., на 3 мес.—1 р. 70 к., на 1 мес.—60 к. и для железнодорожников 50 к.

Издатель—„ГУДОК“. Отв. редактор—**И. Н. Пирогов.**

Главлит № 99.351. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИДЕЯ, ИЛИ ПРЕД'ОКТЯБРЬСКИЕ МУКИ ХУДОЖНИКА

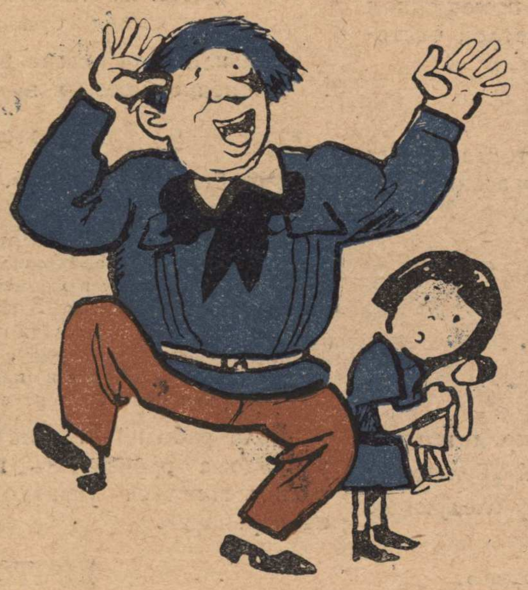
Рис. А. Радакова *Текст Мих. Пустынина*

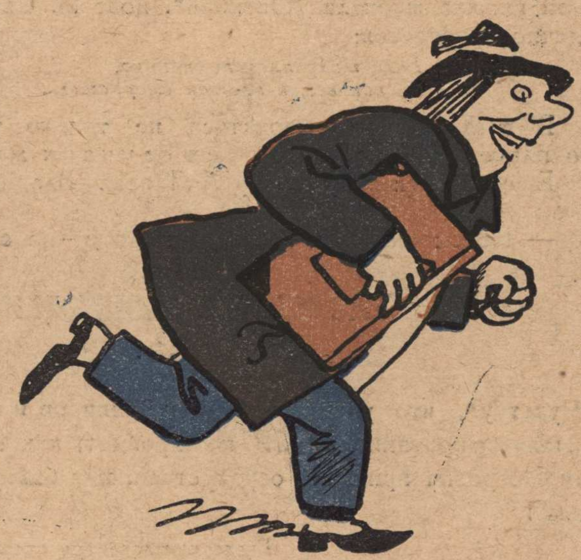

1. — „Шаблон! Нет ничего печальней!
И потому я говорю:
Рисунок пооригинальней
Придумать надо к Октябрю!..“

2. Все рассуждали исступленно:
— „Ну, где разгадка? В чем секрет?
Как удалиться от шаблона?
Как не скатиться в трафарет?“

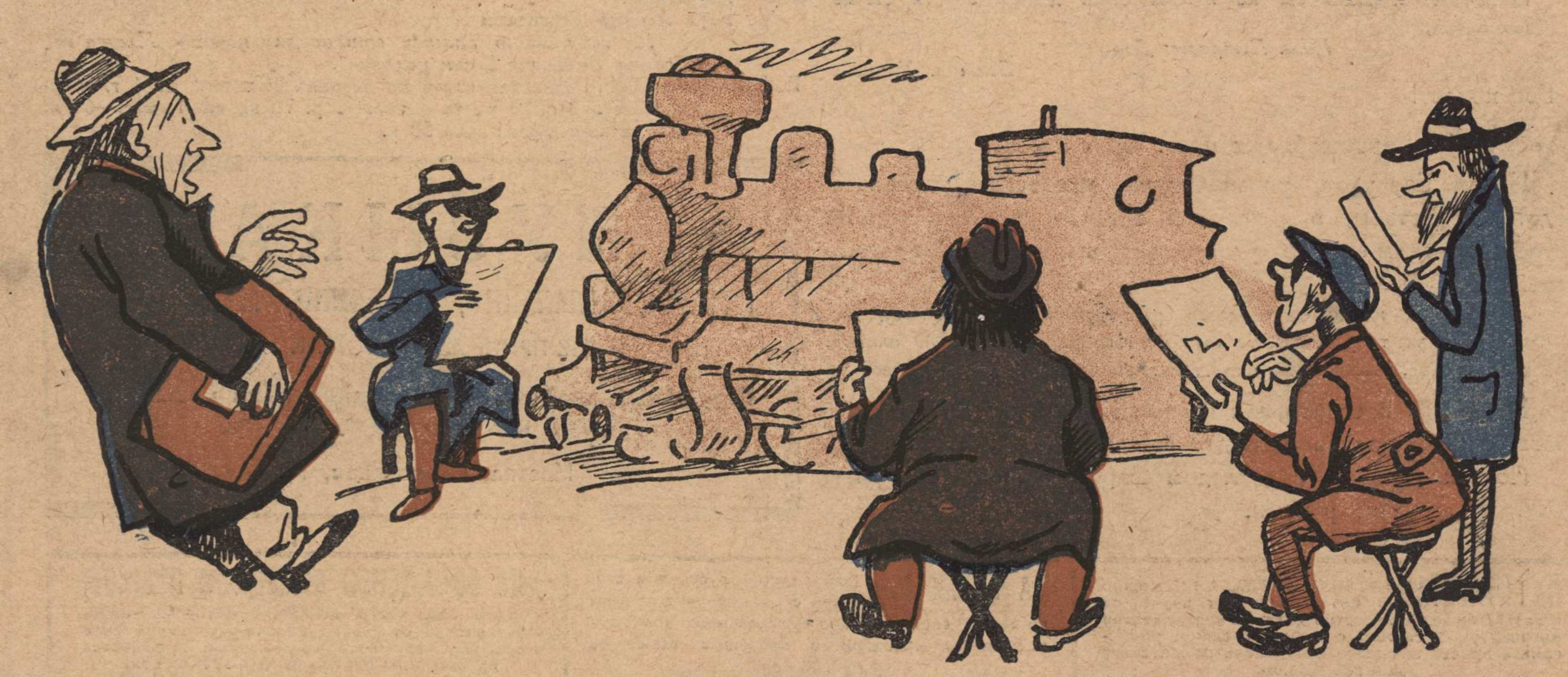

3. — Моей печали в чем причина?
Я об'ясню тебе, жена:
Моя ближайшая картина
Быть не шаблонною должна!

4. — Кряхтя, потея и седея,
Я пыжусь с ночи до зари...
О-ри-ги-наль-на-я идея!!
Придумал, чорт меня дери!!!

5. — Я не подламся трафарету!
Шаблон — отрыжка, гнусность, вред!
Бегу! Карету мне, карету!
Долой шаблон и трафарет!

6. — Но — странная метаморфоза!—
В мгновенье стала жалкой поза...

Он видит, в ужасе застыв:
Художники вкруг паровоза

Сидят, рисуя на мотив:
„Истории локомотив“!.